

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б90

Charles Bukowski
THE MOST BEAUTIFUL WOMAN IN TOWN
Copyright © 1967, 1968, 1969, 1970, 1972, 1983 by Charles
Bukowski

Перевод с английского *Максима Немцова*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке

Вячеслава Коробейникова

Буковски, Чарльз.

Б90 Первая красotka в городе / Чарльз Буковски ;
[пер. с англ. М. Немцова]. — Москва : Эксмо, 2019. —
480 с.

ISBN 978-5-699-60980-2

Чарльз Буковски — культовый американский писатель XX века, чья европейская популярность всегда обгоняла американскую (в одной Германии прижизненный тираж его книг перевалил за два миллиона), автор более сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности. Буковски по праву считается мастером короткой формы, и его сборник «Первая красotka в городе», составляющий своего рода двухтомник с классическими «Историями обыкновенного безумия», — яркое тому подтверждение: доводя свое фирменное владение словом до невероятного совершенства, Буковски проводит своего лирического героя — бабника и пьяницу, явное альтер эго автора, — по всем кругам современного ада.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Немцов М., перевод на русский
язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-699-60980-2

ПЕРВАЯ КРАСОТКА В ГОРОДЕ

Кэсс была самой молодой и красивой из 5 сестер. Первой красоткой в городе. На 1/2 индеанка, с гибким и странным телом, змеиным и горячим — а уж какие глаза... Она вся была живое пламя. Словно дух в изложницу залили, а удержать не смогли. Волосы черные, длинные, шелковистые, танцевали и кружились без устали, как и вся она. Дух ее либо парил в вышине, либо стелился по земле. Среднего не дано. Некоторые утверждали — Кэсс чокнутая. То есть так считали тупые. Они-то никогда Кэсс не могли понять. Мужикам она казалась только машиной для траха, тут уж плевать, чокнутая или нет. А Кэсс танцевала и флиртвала, целовала мужчин, но, если не считать пары раз, когда доходило до постели, умудрялась ускользнуть. Она избегала мужчин.

Сестры обвиняли ее в том, что она злоупотребляет своей красотой, что у нее ум сонный, но у Кэсс и ум, и дух были что надо: она писала маслом, танцевала, пела, лепила из глины всякие штуки, а если кого-нибудь обижали, душевно или же телесно, Кэсс глубоко сочувствовала. Просто ум у нее был другой — непрактичный. Сестры ревновали, потому что она притягивала их мужиков, и злились, поскольку им казалось, что она мужиками этими распорядается не лучшим образом. У нее была привычка по-доброму обходиться с уродами; от так называемых красавчиков ее тошнило.

— Кишка тонка, — говорила она. — Без перчика. Думают, главное — идеальная форма ушей и тонко вылепленные ноздри... Одна видимость, а внутри шиш... — Характерец у нее граничил с безумием; для кого-то он и был безумием.

Ее отец умер от кира, а мать сбежала и оставила девчонок одних. Девчонки пошли к родственникам, те определили их в женский монастырь. Монастырь оказался безрадостной дырой, причем больше для Кэсс, чем для сестер. Другие девчонки ей завидовали, и Кэсс дралась почти со

всеми. Вдоль левой руки у нее бежали царапины от бритвы — защищала себя в паре драк. На левой щеке тоже остался изрядный шрам, но он скорее подчеркивал ее красоту, чем портил.

Я познакомился с ней в баре на Западной окраине как-то вечером, Кэсс только-только выпустили из монастыря. Поскольку она была младше прочих сестер, вышла последней. В том баре она просто взяла и подседа ко мне. Большею страховодности, чем я, в городе, наверное, не найти — может, потому и подседа.

— Выпьешь? — спросил я.

— Конечно, чего ж нет?

Едва ли в нашей беседе в тот вечер было что-то необычное — это Кэсс вся лучилась. Она меня выбрала — вот и все дела. Никакого напряжения. Выпивать ей нравилось, и залила она довольно много. Совершеннолетней казалась не вполне, но ее все равно обслуживали. Может, у нее ксива была липовая, не знаю. Как бы то ни было, когда она возвращалась из уборной и садилась, во мне шевелилась какая-то гордость. Первая красотка не только в городе, но и в жизни я прекраснее редко встречал. Я положил руку ей на талию и поцеловал один раз.

— Как ты считаешь, я хорошенькая? — спросила она.

— Да, конечно, но тут еще кое-что... внешность ведь не главное...

— А меня всегда обвиняют, что хорошенькая. Ты по правде так думаешь?

— Хорошенькая — не то слово, оно едва ли отдает тебе должное.

Кэсс сунула руку в сумочку. Я думал, платок достает. А она вытащила здоровенную булавку. Не успел я и пальцем дернуть, как она себе проткнула этой булавкой нос — сбоку, прямо над ноздрями. На меня накатило отвращение пополам с ужасом.

Она взглянула на меня и рассмеялась:

— А теперь? Что теперь скажешь, мужик?

Я вытянул у нее из носа булавку и придавил ранку своим платком. Несколько человек вместе с барменом наблюдали представление. Бармен подошел.

— Послушай, — сказал он Кэсс, — будешь опять выпендриваться, мигом вылетишь. Нам твои спектакли не нужны.

— Ох, да иди ты на хуй, чувак! — отозвалась она.

— Приглядывайте за ней, — посоветовал мне бармен.

— Ничего с ней не будет, — заверил я.

— Это *мой* нос, — заявила Кэсс. — А я со своим носом что хочу, то и делаю.

— Нет, — сказал я, — мне тоже больно.

— Тебе что, больно, когда я тычу булавкой себе в нос?

— Да, больно. Я не шучу.

— Ладно, больше не буду. Не грусти.

Она поцеловала меня, как-то даже при этом ухмыляясь и прижимая платок к носу. Ближе к закрытию мы отправились ко мне. У меня еще оставалось пиво, и мы сидели и разговаривали. Тогда я и понял ее как личность: сплошь доброта и забота. Все на лбу написано. И тут же отскакивает обратно в дикость и невнятицу. *Шиза*. Эдакая прекрасная и духовная *шиза*. Возможно, кто-нибудь, что-нибудь погубит ее навсегда. Я только надеялся, что это окажется не я.

Мы легли в постель, и, когда я выключил свет, Кэсс спросила:

— Ты когда хочешь? Сейчас или утром?

— Утром, — ответил я и повернулся к ней спиной.

Утром я поднялся, заварил пару чашек кофе, принес одну ей в постель.

Она рассмеялась:

— Ты первый, кто отказался ночью.

— Да ничего, — ответил я, — можно и вообще обойтись.

— Нет, погоди, теперь мне хочется. Дай я чуть-чуть освежусь.

Кэсс ушла в ванную. Вскоре вышла: выглядела она вполне чудесно — длинные черные волосы блестели, глаза и губы блестели, *сама она* блестела... Свое тело она показывала спокойно — мол, хорошее же. Она легла и укрылась простыней.

— Давай, любовничек.

Я дал.

Она целовалась самозабвенно, но без спешки. Я пустил руки по всему ее телу, в волосы. Оседлал. Там было горячо — и тесно. Я медленно начал толкаться, чтобы продлилось подольше. Ее глаза смотрели прямо в мои.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— А какая тебе разница? — спросила она.

Я расхохотался и погнал дальше. Потом она оделась, и я отвез ее обратно в бар, но забыть Кэсс оказалось трудно. Я тогда не работал и спал до двух, вставал и читал газету. Как-то раз отмокал в ванне, а она зашла с огромным листом — бегонии.

— Я знала, что ты будешь в ванне, — сказала она, — поэтому принесла тебе кое-что прикрыть эту штуку, дикарь ты наш.

И кинула мне лист прямо в ванну.

— Откуда ты знала, что я буду в ванне?

— Знала.

Почти каждый день Кэсс заявлялась, когда я сидел в ванне. В разное время — но промахивалась редко, и всякий раз при ней был листок бегонии. А после мы занимались любовью.

Раз или два она звонила по ночам, и мне приходилось выкупать ее из ката-лажки за пьянство и драки.

— Вот суки, — говорила она. — Купят выпить пару раз и думают, что это уже повод залезть тебе в штанишки.

— Стоит принять у них стакан — и беды сами на голову повалятся.

— Я думала, их интересую я, а не только мое тело.

— Меня интересуют *и* ты, и твое тело. Сомневаюсь, однако, что большинство видит дальше тела.

Я уехал из города на полгода, бичевал, вернулся. Кэсс я так и не забыл, но мы из-за чего-то поцапались, да и все равно я понимал, что пора двигать дальше, а когда вернулся — прикинул, что ее здесь уже не будет, но не успел и полчаса просидеть в баре на Западной окраине, как она вошла и уселась рядом.

— Ну что, сволочь, я вижу, ты опять тут.

Я заказал ей выпить. Потом посмотрел на нее. Она была в платье с высоким воротником. Я раньше на ней таких никогда не видел. А под глазами вогнано по булавке со стеклянной головкой. Видно только эти головки, а сами булавки воткнуты прямо в лицо.

— Черт бы тебя драл, зачем портить красоту, а?

— Нет, это *фенька* такая, дурень.

— Совсем спятила.

— Я по тебе скучала, — сказала она.

— Кто-нибудь есть?

— Нет никого. Один ты. Но я тут мужиков кадрю. Стоит десять баксов. Тебе же — бесплатно.

— Вытащи эти булавки.

— Нет, это фенечка.

— Мне от нее очень плохо.

— Ты уверен?

— Еще как уверен.

Кэсс медленно извлекла булавки и убрала в сумочку.

— Зачем ты уродуешь свою красоту? — спросил я. — Разве нельзя просто жить с нею?

— Чтобы не думали, будто во мне больше ничего нет. Красота — ничто, она не останется. Ты даже не знаешь, как тебе повезло, что ты такой урод, — раз ты лю-

дям нравишься, они тебя любят не за красоту.

— Ладно, — ответил я. — Мне повезло.

— То есть я не хочу сказать, что ты урод. Люди только считают тебя уродом. У тебя лицо завораживает.

— Спасибо.

Мы выпили еще по одной.

— Что делаешь? — спросила она.

— Ничего. Ничем не могу заняться.

Интереса нет.

— Я тоже. Был бы бабой, тоже мог бы мужиков кадрить.

— Вряд ли бы мне понравилось близко общаться с такой толпой чужих людей. Утомляет.

— Утомляет, ты прав, все утомляет.

Ушли мы вместе. На Кэсс по-прежнему пялились прохожие. Она все равно была красотка — может, даже красивее прежнего.

Мы добрались до меня, я открыл бутылку вина, и мы сидели и разговаривали. С Кэсс всегда легко было разговаривать. Она немного поговорит, а я слушаю, потом я поговорю. Беседа у нас текла без напряжения. Казалось, мы вместе раскрываем тайны. Когда раскрывалась хорошая, Кэсс смеялась эдак по-своему — только она так и умела. Словно ра-

дость из огня. За беседой мы целовались и придвигались все ближе друг к другу. Довольно сильно разогрелись и решили лечь в постель. И лишь когда Кэсс сняла платье с высоким воротником, я увидел его — уродливый зазубренный шрам поперек горла. Длинный и толстый.

— Чтоб тебе, женщина, — сказал я с кровати, — черт бы тебя драл, что ты натворила?

— Как-то ночью попробовала разбитой бутылкой. Я тебе больше не нравлюсь? Я по-прежнему красивая?

Я притянул ее к себе на кровать и поцеловал. Она оттолкнула меня, рассмеялась:

— Некоторые платят десятку, а потом я раздеваюсь, и им уже не хочется. Десятку я оставляю. Очень смешно.

— Да, — сказал я. — Просто умора... Кэсс, сука, я же тебя люблю... хватит себя уничтожать; живее тебя я никого не встречал.

Мы снова поцеловались. Кэсс плакала — без единого звука. Слезы я чувствовал. Эти ее длинные черные волосы лежали у меня за спиной, будто флаг смерти. Мы слились и медленно, торжественно и чудесно любили друг друга.

Утром Кэсс готовила завтрак. Вроде бы спокойная и счастливая. Пела. Я валялся в постели и наслаждался ее счастьем. Наконец она подошла и растолкала меня:

— Подъем, сволочь! Плесни себе на рожу и пипиську холодной воды да иди уже пировать!

В тот день я отвез ее на пляж. День стоял рабочий и не вполне летний, поэтому берег был великолепно пуст. Пляжные бичи в лохмотьях дрыхли на лужайках над полосой песка. Другие сидели на каменных скамьях с одинокой бутылкой. Кружили чайки, безмозглые, но рассеянные. Старухи лет по 70—80 рассиживали на лавках и обсуждали продажу недвижимости, оставленной мужьями, что давным-давно сдохли от гонки и глупости выживания. По всему по этому в воздухе разливался мир, и мы бродили по пляжу, валялись на лужайках и почти не разговаривали. Хорошо быть вместе, и все. Я купил пару сэндвичей, чипсы и чего-то попить, мы сели на песок и поели. Потом я обнял Кэсс, и мы поспали часик. Так было почему-то лучше, чем заниматься любовью. Мы текли вместе без напряжения. Проснувшись, снова поехали ко мне, я приготовил ужин. После него предло-